

сонажей оказался красноармейцем с раскосыми глазами. Таким образом повторение картины попало в музей Казахстана. Написанный на казенном холсте диплом сохранить бездомному Глазунову не удалось.

Другую студенческую картину "Джордано Бруно" видели на минувшей выставке в Манеже. Но после учебы крупных холстов много лет не писал. Не было мастерской. И заказов государства. Выручали портреты частных лиц. Их тысячи, выполненных карандашом, сангиной, углем, пастелью, акварелью, маслом. Заказывали портреты послы, министры, главы государств и правительств, задолго до официального признания.

На родине Рафаэля написал с натуры Папу Римского и президента Италии. Ему позировали короли Испании и Швеции, Лаоса, президенты Финляндии, Кубы, Чили, Никарагуа, (де Голлю помешал кровавый бунт студентов), премьер-министры Дании, Индии... Индире Ганди вручал портрет Брежнев, пожелавший иметь свой образ кисти Глазунова. В знак благодарности Генсек распорядился опубликовать портрет в "Огоньке". Примеру Леонида Ильича последовали члены Политбюро — Суслов, Косыгин, Громыко, Мазуров... С тех пор родился миф о "придворном художнике".

Другой злобный миф разбирался в суде. Со слов попавших на Запад диссидентов, некий американец, автор книги "КГБ", обвинил Глазунова в связях со злойшей структурой. Книга вышла, когда шеф Лубянки настойчиво обращал внимание Старой площади на вольнодумство художника, советовал привлечь его к общественно полезной деятельности, дав возможность учредить музей мебели...

Несмотря на противодействие посла СССР в ФРГ Фалина (ныне жителя Германии), оскорбленный подал иск в защиту чести и достоинства. И выиграл дело! Суд обязал издателя вымарать из книги клевету. Не осталось без внимания правительства СССР предложение Андропова о музее. Таким образом, не без содействия искусствоведов в штатском, опальный художник основал Всесоюзный музей декоративно-прикладного искусства в Царицыне и, будучи беспартийным, оказался его первым директором.

Третий злобный миф: "Да он рисовать не умеет!" — сочинили московские искусствоведы, поклонники перформансов и инсталляций. На вопрос — есть ли у реализма будущее в XXI веке — рупоры рыночных галерей дружно хором отвечают: "Нет!" Глазунов сотнями картин утверждает: "Есть!" В этом кроется причина застарелой вражды, неприязни "специалистами".

Побеждают апологеты эпатажа не только в захваченных СМИ, но и в залах Третьяковской галереи. В ее запасниках упрятано "Прощание", другие известные

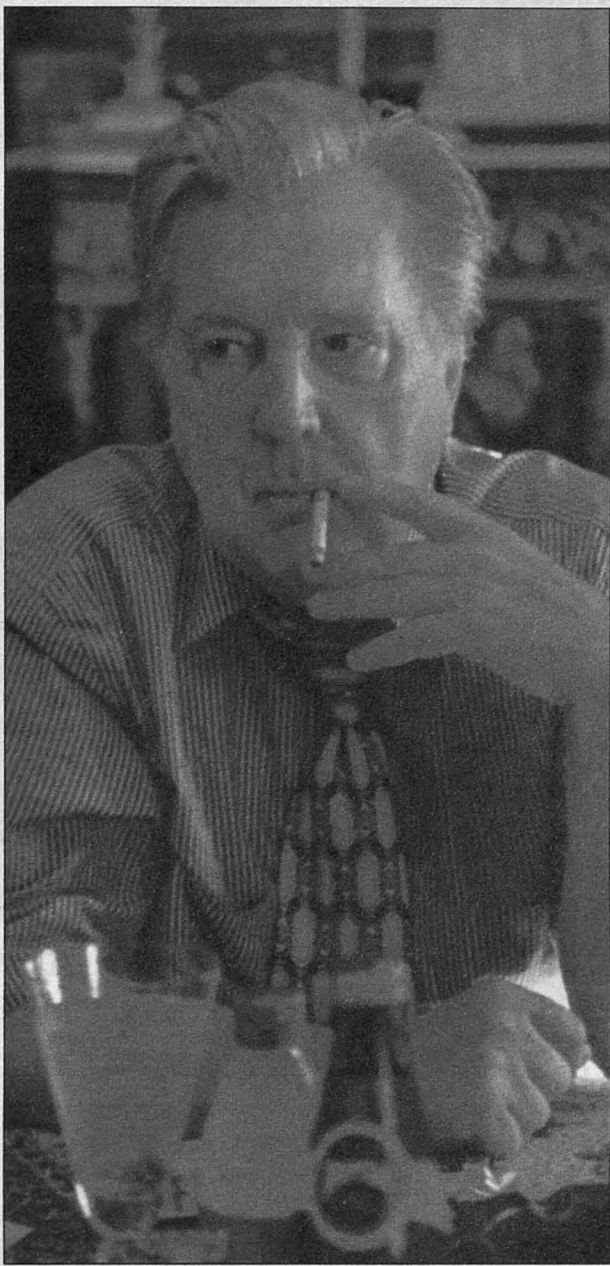
работы. Галерея выдает их для персональных выставок. Их прошло десятки во многих странах, по шесть — в Манежах обеих наших столиц. Это — рекорд, достойный Книги Гиннеса. Ни один здравствующий художник не выставлялся двенадцать раз(!) в столь громадных залах. Люди простаивали часами, чтобы увидеть картины современного живописца. И в 2000 году очередь тянулась от гостиницы "Москва" до дверей Манежа. Это ли не триумф, знак высшего признания, любви народа?

Перед картинами Глазунова прошли миллионы. Но где восхищавшие людей шедевры? В залах на Крымской набережной, где якобы представлено искусство второй половины XX века, показан, словно в насмешку, один(!) давний маленький портрет сына Вани. Все! Почему не нашлось места холстам, перед которыми полвека толпились зрители? Да любую картину, даже "Мистерию XX века", художник бы подарил галерее, лишь бы ее видел народ. Пропать между ним и современным "искусствоведением" столь глубока, что в нее проваливается каждый, кто попадает в залы на Крымской набережной. Проходя мимо портрета Вани, английский искусствовед залюбовался им и задал риторический вопрос: "Почему вы так боитесь Глазунова?"

В самом деле, почему? В монографии о книжной иллюстрации СССР за 1945—1980 годы, где сотни фамилий, ни разу не упомянуто имя Глазунова. Как раз тогда он проиллюстрировал почти всю русскую классику, его иллюстрации романов Достоевского купил музей на Божedomке, они хранятся в Русском музее. Чем объяснить фигуру умолчания? Лютой злобой и завистью, которая слепит глаза.

Днем Глазунов бывает на Мясницкой, в здании, которое ему удалось вернуть Москве на закате советской власти. В расцвете сил и таланта, не в старости, занялся преподаванием, основал класс портрета, затем — Росийскую академию живописи, ваяния и зодчества. У него — не поддающееся точному счету число учеников. Они сами ныне профессора и доценты. Попадались среди бывших учеников Иуды, променявшие высокий реализм на продажную конъюнктуру.

После полноты в Жукровке — пишет "Россию распятую". Это книга, где сотни лиц. Автор входил в жизнь с Евтушенко, посвящая ему стихи, Вознесенским, чью первую книжку проиллюстрировал, с теми, кого называют "шестидесятниками". Глазунов, в отличие от них, с молодости возненавидел коммунизм, марксизм-ленинизм, стал убежденным монархистом, националистом, живущим с мыслью: "Русский тот, кто любит Россию!". Из нее вытекает другой призыв: "Россия — русским", тем, кто ее любит. Это ли не идея, способная сплотить разрозненный наш народ?

Москва и Кремль потрясли воображение европейца-питерца, с пылом молодости бросившегося на спасение памятников. Мое давнее заочное знакомство с Глазуновым произошло в комендатуре Кремля, где дежурные полковники показали фотоальбом, попавший из приемной Брежнева. Его составил Глазунов и московские художники, пройдя по адресам разрушений. Тогда по маршруту следования президента США отцы города взорвали храм на Калужской, дома на Пречистенке, Волхонке и Боровицкой площади. Снимки так возмутили генсека, выразившего свой гнев первому секретарю МГК, что с тех пор сносить старые здания стало проблематичным.

Глазунов вернул нам роствоваские звоны, записанные на пластинки, Ростовский Кремль, спас от разрушения храм на Крови в родном городе, первый призвал к восстановлению Христа Спасителя. Показанный Юрию Лужкову альбом фотографий вызвал у мэра эмоциональный порыв:

— И такую красоту уничтожили? Надо восстановить! В идейной борьбе Гла-

зунов заявил о себе как публицист, мыслитель, оказавший влияние на умы многих современников, в том числе Владимира Солоухина. "Письма из Русского музея" обнародовали усвоенные писателем с энтузиазмом неопита сокровенные мысли друга, что, впрочем, не помешало ему на старости лет очернить властителя дум.

Непрерываем авторитет Глазунова у коллекционеров, букинистов, антикваров. Ему не подсовывают подделки. Он собрал коллекции произведений искусства, картин, книг. Спасенную огромную картину "Оргия в Ватикане" подарил академии, как десятки других произведений искусства, сотни книг, ставших ядром ее музея и библиотеки. Стало быть, Глазунов — коллекционер, меценат. Москве подарил все свои картины, оцененные экспертами в десятки миллионов долларов.

Итак, живописец, график, сценарист, архитектор-художник, публицист, основатель музея и академии, ректор и профессор, коллекционер, меценат. Все это — один человек, вписанный под именем Ильи Глазунова в историю.

